

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2005

[Рассказ был написан для конкурса «Весенний Царкон 2005»](#)

Белая башня падает

Дождливым осенним утром человек по имени Артур Уильям проснулся с мыслью о том, что он больше не будет подрезать крылья воронам. Надев красно-черный мундир, он отправился к своим воронам. Древние башни осуждающе нависали над ним зловещими тенями, но мистер Уильям не обратил на это внимания.

...В тот день он не подрезал крылья ни одному из своих подопечных, хотя накануне намеревался таким образом приковать к земле еще двоих: это были огромные иссиня-черные красавцы, и Артур, сидя на ступеньке, наблюдал, как они кружат над лужайкой. А ведь совсем недавно от вида свободно парящего ворона ему становилось дурно...

— Говорю тебе, что толстяк в наших когтистых лапах! Завтра я прикажу ему прыгнуть с башни, и он, пожав плечами, прыгнет, придерживая свою дурацкую шапочку, — хвастливо сказал Мунин своему собеседнику.

Тот щелкнул клювом и возразил:

— Братец Мунин, ты совершенно невыносим. Чего ты добьешься, превратив нашего доброго Артура Уильяма в красно-черную лепешку?

— Никто не будет подрезать крылья этим беднягам! — настаивал Мунин.

— Братец, — рассудительно проскрипел Хугин, — если мы избавимся от этого мастера, то верноподданные бриты тут же пришлют нового красно-полосатого толстяка на наши пернатые головы.

Мунину потребовалось несколько долгих минут, чтобы переварить этот удручающий аргумент.

— Вот сволочи, — от негодования он начал скрести лапой. — Мало что изменилось с той поры, когда они красили волосы в белый цвет и дрались заостренными палками...

— Меньше всего изменился образ твоего мышления, — упрекнул Хугин, — ты все так же стараешься решить проблемы грубой силой. Проснись и раскрой свои мутные глаза, братец. Век мечей и секир миновал! Человек обуздал энергию атома и запустил в космос смешные металлические штуки, которые они называют спутниками...

Мунин скептически посмотрел на брата и склонил голову набок, от скуки царапая каменные плиты острым когтем. Хугин прервался на полуслове и смущенно каркнул:

— Но ты прав, — вынужден был признать он, — с той поры действительно ничего не изменилось...

...Мастер над воронами Артур Уильям прогуливался по Тауэрскому лугу, когда в стенах древней крепости слышались пронзительные голоса туристов. Странно, но раньше он любил этих шумных и однообразных посетителей Тауэра, под крики дурачащейся детворы приносящих с собой грязь и жевательную резинку, прилепленную к непокрытым стеклом экспонатам. Сегодня же он не почувствовал ничего, кроме раздражения, когда на лужайке появилась очередная толпа под предводительством бифитера.

— Эй, что за чудак в смешной шапке? — спросил один из туристов, уставившись на Артура.

— Это мастер над воронами — представитель важной профессии, — начал объяснять бифитер. — Легенда гласит, что когда вороны покинут Тауэр, случится катастрофа...

— Каждый раз, когда я слышу историю, меня начинает клонить в сон, — пожаловался Мунин. — Люди все могут ополить.

Хугин согласился. Мунин, быть может, и был дураком, но помнил обо всем.

...На этом острове всегда было сыро и холодно. На юге, в садах графства Мэн, цвели яблони, в то время как здесь — туман и дождь.

Два всадника ехали по берегу реки. Первый был настоящим великаном, его сильные руки правили конем легко и уверенно. Другой же, напротив, походил на бесплотную тень.

— Народ ненавидит вас, мой король, — сказал он, поправляя упавший на глаза черный капюшон. — С тех самых пор как вы, простите за прямоту, споткнулись, ступая на английскую землю, всякий холоп не преминет напомнить, что прихотью судьбы повержен Гарольд, но не вашим мечом.

— Я знаю, что говорят обо мне, — великан обернулся, суровым взором окидывая лежащий у реки город.

Его лицо выделялось той благородной красотой, что присуща истинному королю. Глядя на него сейчас, невозможно было узнать в этом величавом исполине внука кожевника из Фалейса.

— Вороны... — с отвращением сказал король, наблюдая за кружащими в небе птицами. — Не знаю почему, но они любят этот холм. Как будто что-то привлекает их...

— Камни, милорд. Черных птиц привлекают белые камни.

— Мне следовало сжечь город, а не вступать на его улицы, устилая свой путь лепестками роз.

— В тот день вы были победителем, мой король.

Гийом гневно вскинул голову.

— Был?! Я победитель по праву, и корона отдана мне по справедливости! — воскликнул он, сжимая кулаки.

Гийом отвернулся. Налетевший ветер всколыхнул окружавшее их море травы, сбросил с головы короля капюшон и растрепал короткие волосы, тронутые сединой. Это был тот самый человек, который на Сенлакском поле вел своих воинов в атаку и рисковал жизнью ради вождеденной короны. И вот, он получил ее. Архиепископ Йоркский возложил на иноземного герцога корону, отдав свою страну на разграбление нормандцу.

— Упрямцы не признали бы вас своим королем, будь вы хоть сыном Господа.

— Не смей богохульствовать, Роберт!

Гийом всегда был набожным, как утверждали его приближенные — вера короля граничила с фанатизмом.

— Как вам будет угодно, мой господин. Но ни один народ добровольно не признает чужеземца своим королем, — упрямо продолжал Роберт. — Так поступят лишь предатели, которыми вы окружаете себя...

— Всюду предательство и измена! — воскликнул король. — Я желаю вернуться к родным берегам, но этот остров держит меня. Проклятые англ

не желают преклонить колени, я знаю, что стоит мне поднять парус, и они тотчас же позабудут, кого короновали в Кентерберийском аббатстве холодным утром Рождественского дня.

Король замолчал. Никто не мог упрекнуть Гийома в трусости, но иногда на него нисходила тьма — он видел в каждом приближенном предателя и затаившегося убийцу в каждой тени. В такие дни король беспрестанно молился или же, взяв с собой Роберта Каминса, надолго исчезал, оставляя придворных в недоумении и беспокойстве.

— Корона... — Гийом криво усмехнулся. — Господь обрек меня на тяжкое бремя. Сидеть на престоле и внимать чужим просьбам, не имея возможности вернуться к собственным тяготам, принимать решения и знать, что каждый бедняк Лондона будет думать о том, что справился бы с этим лучше короля... Ты хочешь спросить о том, желаю ли я нести эту ношу, Роберт?

— Если мой король пожелает сообщить мне об этом, — уклончиво ответил Каминс.

— Всецелой душой я жажду быть королем, но, клянусь, это не делает корону легче!

Роберт Каминс молча слушал своего господина.

— Я решил, Роберт. Мы возвращаемся домой. Этот остров истощает меня, иногда мне даже кажется, что не стоило ступить на его землю...

Король нахмурился, но вот лицо его прояснилось, и он весело рассмеялся, хлопнув Роберта по плечу.

— Но я вернусь сюда, чтобы стать королем не только на словах, но и на деле. Англы подчинятся мне, иначе я выжгу их остров дотла! На этом холме я построю крепость из белого камня, откуда буду управлять своим

королевством. Она простоит вечно или, по крайней мере, до тех пор, пока здесь не переведутся эти проклятые вороны!

Он долго рассказывал Роберту о своих планах и мечтах, пока они возвращались в город.

Гийом, прозванный Завоевателем, не знал, что никогда не увидит крепость, задуманную им здесь. Не знал, что погибнет из-за нелепого случая при взятии Манты. Также как и не знал Роберт Каминс, будущий граф Нортумбрии, что ему суждено лечь в могилу раньше своего герцога, будучи предательски убитым душным осенним днем следующего года — в Дархеме.

Об этом знали лишь кружащие над ними вороны, но вещие птицы пожелали смолчать...

Башни крепко держались своих призраков. Они всегда были здесь: вечные, неизбывные. Заключенные в их стенах, они прогуливаются по Тауэрскому лугу, стонут в Кровавой Башне, скрываются в тени Ворот Предателей и ждут, когда придет день освобождения и крепостная стена рухнет, выпуская их на волю.

...Блуждает по пустым коридорам шотландец Уоллес, держа в руках собственную отрубленную голову. Бесшумно покачивается на черном дереве белая женская фигурка. Скорбная процессия жен короля Генриха продолжает свой хоровод вокруг нее. Призраки Тауэра: их множество, восставших на пути королевской воли, умерших — но не ушедших, потому что ничто не уходит бесследно.

Их кровь, плоть и души впитали земля и камень древней крепости и, если замолчать и прислушаться, то кроме стука своего сердца можно услышать их стоны, разносимые ветром. Они ждут того часа, когда смогут выместить свою злобу и ненависть, свою предсмертную боль и отчаяние. Они ждут. Лишь кажущиеся столь надежными стены удерживают их. Но призраки умеют ждать. Пока еще есть в Тауэре черные вороны — призракам остается только ждать.

— Вильгельм был всем хорош, свиреп — но хорош. Иногда я даже жалею, что он так глупо умер...

— Его лошадь оступилась, Мунин. Лошади не оступаются просто так, — глубокомысленно заметил Хугин. — И все же он был не Артур.

— Далеко не тот Артур! — Мунин громко каркнул, расправил крылья и взлетел, описав круг над повешенной женщиной. — Как ловко с твоей стороны использовать именно Артура.

— Все возвращается к истокам, несмотря ни на что, — рассудительно сказал Хугин. — Вера сменяет веру. После очередного Рагнарёка остаются лишь мифы: маленькие осколки бывшего величия, такие как мы с тобой. В мифы верят только чудаки. Артур — как раз такой чудак.

— К тому же, он один из немногих, кто не заключен стенами Тауэра в бессильный призрак, — напомнил Мунин.

Артур Уильям проснулся среди ночи. Он долго сидел на кровати, глядя в окно, пока приближающийся рассвет не начал разгонять ночную тьму.

Прошелестев крыльями, в распахнувшееся окно влетел ворон и уселся на подоконник.

— Не спится? — спросила огромная птица.

Артур уставился на странного гостя, приоткрыв рот от изумления.

— Хорошее утро... — продолжил ворон. — Холодное, но приятное. Когда пролетаешь над Темзой, сквозь туман, густой и белый, как молоко, набережная утопает в нем, и кажется, что город ушел под воду, лишь башни Тауэра возвышаются над ним.

— Жаль, что я не умею летать, — растеряно сказал мастер над воронами.

— Почему? — недоуменно спросила птица.

— У меня нет крыльев, — пояснил Артур, окончательно решив, что видит сон.

— Открою тебе тайну, — прикрыв глаза, сказал ворон, — для того, чтобы летать, не нужны крылья. Чтобы оседлать ветер, ты должен поверить в это, увидеть себя, летящим в небе, среди облаков, высоко над землей. Ты должен увидеть это, Артур Уильям. Полет — это свобода мысли, когда ты не прикован глупым страхом к земле.

— Вороны Тауэра вряд ли с тобой согласятся.

— Вы подрезаете этим беднякам не крылья, а душу. Не оставляете им выбора — лететь или остаться. Потому что вороны — это главные и единственные узники Тауэра. Они жертвуют собой, чтобы вы могли вести свою бессмысленную жизнь. Прошла почти тысяча лет, но вы остались на земле, отвергая любые попытки что-либо изменить. Ваша жизнь лишена смысла, одно мгновение полета стоит всех желаний королей.

— Но улети из Тауэра вороны...

— Я сам — ворон Тауэра. Так же, как и ты. Нельзя подрезать чужие крылья, даже для общего блага, — настойчиво повторил Хугин. — Я мог бы не говорить тебе этого, Артур. Но хочу быть до конца честным с тобой и надеюсь, что вскоре, когда придет время перемен, ты поймешь меня, увидишь и услышишь ветер. Однажды все изменится — и не останется воронов в Тауэре.

— И что произойдет тогда?

— Понятия не имею, — признался ворон. — Но я знаю, что будет, оставь мы все как есть — и то, что я вижу, мне не нравится.

Хугин подпрыгнул, расправил крылья и полетел навстречу ветру.

...Гроза нагрянула внезапно, похожая на огромного черного пса туча проглотила солнце и заполонила собой ясное небо.

— Время, брат! — воскликнул Мунин, взмывая в воздух. — Еще несколько часов — и будет поздно!

— Да, таково уж время, — каркнул в ответ Хугин. — Ты слышишь их?

— Конечно...

Древние стены сотрясали крики призраков, рвущихся на свободу. В Кровавой башне плакали дети. Кричал скованный цепью Гай Фокс. Графиня Солсбери бежала по эшафоту, спасаясь от настигающего ее палача...

Туча остановилась над Тауэром, кружа в чудовищном вихре, освещаемом сполохами молний.

Мунин летел над стенами крепости, стремясь опередить грохот грома.

Вспышка! В землю бьет молния.

Ворон над башней.

Вспышка!

— Время! Хугин, время! Вечность на исходе! — крикнул Мунин.

— Вечность — это для великих, — скрипуче рассмеялся ворон. —
Малые довольствуются тем, что происходит здесь и сейчас.

...Артур Уильям шел по темным переходам, перед его глазами плясали тени, принимая форму черных воронов. Он вышел во двор. Вещие вороны Одина кружили над ним.

— Прочь! — закричал Артур. — Улетайте прочь!

Он схватил стоявшую у стены метлу и поднял ее над головой. Вороны Тауэра, узники Белой Башни шарахнулись от него. Артур, орудуя метлой, преследовал их по узкой лестнице, которая вела на крепостную стену, откуда уже был виден проснувшийся от долгого сна город, замерший в ожидании беды. Древние стены, политые слезами и кровью, плакали и кричали.

— Улетайте прочь!

Вороны в страхе прыгали на каменный парапет, и Артур сбрасывал их метлой в воды Темзы. Многие из птиц не могли расправить подрезанные крылья и исчезали в мутной бездне бушующей реки.

Сверкали молнии, настигаемые громом.

...Над Тауэром собирался черный столб каркающих, ликующих птиц. Вороны слетались сюда со всего острова, призванные неведомой силой. Их братья — узники Тауэра — продолжали падать с крепостной стены, исчезая в бушующей реке.

— Знаешь, Хугин, в такие моменты я жалею о том, что не умею плакать, — признался Мунин, глядя на это кошмарное зрелище.

— Так бывает всегда, брат. Это искупление — спасется лишь тот, кто сможет расправить подрезанные крылья и взлететь.

Мастер над воронами стоял на башне, бессильно опустив руки, над ним кружил зловещий черный вихрь, состоящий из тысяч пернатых. Артур Уильям влез на парапет, обдирая ладони. Дождь быстро смывал кровь. Стоя над пропастью, мастер поднял разведенные в стороны руки. Вспышка молнии осветила его, и раскаты грома заглушили его смех, когда Артур бросился к своим воронам.

Черный вихрь птиц подхватил его и закружил над Лондоном, над стенами древней крепости, над сложенной из белого камня башней, над двориком Уайтхола, где обезглавили Карла, который так никогда и не верил в легенду о воронах.

...По вышедшей из берегов Темзе, захлестываемая волнами, плыла ладья с командой мертвецов, облаченных в ржавые кольчуги. Не обращая внимания на бурю, они сетями поднимали из воды мертвых воронов.